

Содержание

Введение	7
Благодарности	26
Глава 1. Из истории понятия <i>гражданская война</i> (Б.И. Колоницкий, К.В. Годунов, Д.И. Иванов)	28
1. Понятие <i>гражданская война</i> в европейской интеллектуальной традиции и его использование в России	28
2. <i>Гражданская война, гражданские войны, смута</i> : использование понятий во время Первой российской революции	55
3. Тема гражданской войны в эпоху мировой войны	85
Глава 2. Язык гражданской войны весной 1917 года (К.В. Годунов, Р.А. Шумяков)	112
1. «Гражданская война началась и разгорается»: язык противостояния в дни падения самодержавия	112
2. «Будет гражданская война...»: эйфория и страхи «медового месяца» революции	134
3. «Партия гражданской войны»: большевики, «ленинцы» и их критики	149
4. Апрельский кризис и тема гражданской войны	173
5. «Испуг справа» и «испуг слева»: понятие <i>гражданская война</i> в мае 1917 года	199
Глава 3. Политические кризисы лета 1917 года и использование понятия <i>гражданская война</i> (К.А. Тарасов, Р.А. Шумяков)	215
1. «Июньские дни»	215
2. «Война на фронте и мир внутри»: политическая борьба в контексте мировой войны	239
3. Июльские события как гражданская война	250
4. Поиски <i>гражданского мира</i> и Московское совещание	270
Глава 4. «Корниловщина» как гражданская война (Б.И. Колоницкий, К.В. Годунов)	296
1. Предчувствие гражданской войны: в ожидании кризиса	296
2. «Призраки внутренней вражды»: язык описания кризиса	303
3. «Смерть корниловцам!»: образы виновников гражданской войны	328

Глава 5. Понятие <i>гражданская война</i> и политическая борьба осенью 1917 года (К.А. Тарасов)	359
1. «Пугают гражданской войной»: вокруг Демократического совещания	359
2. Общественные страхи: погромы, анархия, гражданская война.	391
3. Обвинения в подготовке гражданской войны и политическая борьба осенью 1917 года	406
Глава 6. Октябрь: «гражданская война внутри демократии» (К.А. Тарасов)	432
1. «Гражданская война началась!»	432
2. Подавление или соглашение: палитра оценок Октября	449
3. Переговоры о перемирии в гражданской войне	464
4. Конец гражданской войны и политика террора	494
Глава 7. Понятие <i>гражданская война</i> в военных конфликтах осени 1917 — весны 1918 года (К.А. Тарасов, Д.И. Иванов, Р.А. Шумяков)	513
1. «Русская Вандея»: гражданская война на Дону	513
2. Братоубийственная война: конфликт УЦР и СНК	531
3. Множественность <i>гражданских войн</i> : локальные конфликты и распад государства	551
4. Учредительное собрание и гражданская война	577
5. Дилеммы международной политики: <i>внутренняя война</i> и поиск <i>внешнего мира</i>	594
Глава 8. От «мирной передышки» к новым гражданским войнам: март–декабрь 1918 года (А.В. Резник)	612
1. «Мирная передышка» в тени <i>гражданской войны</i> : социальные конфликты в политической риторике марта–мая 1918 года.	612
2. Войны под лозунгом прекращения гражданской войны	653
3. «Самая острая форма гражданской войны»	683
4. Мировая гражданская война и новые гражданские войны	696
Заключение	724
1. Войны слов	724
2. Понимание понятия	726
3. Отказ от использования понятия	733
4. Варианты использования понятия	737
5. Гражданская война уже началась	742
6. Национализация и интернационализация темы гражданской войны	746
7. Политическое понятие и политические эмоции	749
Иллюстрации	755
Список сокращений	778
Указатель имен	780

Введение

В первой четверти XXI века о гражданских войнах говорят и пишут много, может быть, даже слишком много.

Мы завершаем работу над этой книгой в 2025 году. В начале прошлого года на экраны вышел американский фильм «Гражданская война»¹. По всей видимости, он был задуман в связи с президентскими выборами, которые состоялись в ноябре. В центре сюжета этой кинокартины — воображаемый вооруженный конфликт между федеральным правительством США и союзом противостоящих ему штатов, восставших против президента страны. Антиутопия отражает нарастающие страхи перед политическим размежеванием Америки, расколом, который проявляется уже не только в партийном, но и в культурно-политическом противостоянии, порождающем риторику гражданской войны. Само по себе это свидетельствует об актуализации темы гражданских войн в современном общественном сознании. Некоторые консервативно настроенные американские политики годами развивают идеи о праве народа на восстание, а центристы и левые рассуждают об уже идущей в США холодной гражданской войне. Говорят о перспективах гражданской войны и в европейских странах: одних пугает распространение популистских и антилиберальных настроений в регионе (эту тему можно встретить в выступлениях Э. Макрона), других — весь комплекс проблем, связанных с миграциями, и нередко эти темы переплетаются². Все эти страхи кажутся явно преувеличенными, однако обращение

1. Сценарий и режиссура Алекса Гарленда, в русском дубляже — «Падение империи».

2. См.: *Armitage D. Fighting Words? A Reply to My Critics // Global Intellectual History. 2019. № 4 (3). P. 334–346.*

к понятию *гражданская война* и образам, визуализирующим этот конфликт, симптоматично.

О возможной в будущем гражданской войне рассуждают и популярные современные писатели, чьи работы рассматриваются историками литературы как часть восходящей к древности традиции описания гражданских войн. Главному герою популярного романа Мишеля Уэльбека «Покорность» (2015), жанр которого сам автор называет «политической фантастикой», принадлежат слова: «Франция, как и другие западноевропейские страны, давно дрейфует к гражданской войне. Это очевидно...» Страх перед гражданской войной, который испытывают герои Уэльбека, влияет на описываемые автором политические процессы; этот страх, вызванный межэтническим и межконфессиональным противостоянием, присутствует в описаниях европейских городов: «...в Брюсселе, в большей степени, чем в любой другой европейской столице, чувствовалась близость гражданской войны»¹.

Нельзя не сказать и о том, что гражданская война привлекает ныне особое внимание и некоторых философов. В свое время М. Фуко, отталкиваясь от известного высказывания К. фон Клаузевица, отметил: «И если верно, что внешняя война является продолжением политики, то мы должны сказать в ответ, что политика является продолжением гражданской войны»². Для французского философа, полемизировавшего с той традицией понимания гражданской войны, которая восходит к Т. Гоббсу, *гражданская война* на время стала важнейшим понятием, центральным для изучения сферы политического. Впоследствии некоторые философы также рассматривали этот термин как важнейшее парадигматическое понятие, достаточно вспомнить книгу Дж. Агамбена³.

1. Уэльбек М. Покорность / Пер. с фр. М. Зониной. М.: АСТ: CORPUS, 2019. С. 112. См. также: Lowrie M., Vinken B. Civil War and the Collapse of the Social Bond: the Roman Tradition at the Heart of the Modern. New York: Cambridge University Press, 2022. Наряду с текстами Вергилия, Лукана, Августина и В. Гюго авторы анализируют роман Уэльбека.
2. Foucault M. The Punitive Society: Lectures at the Collège de France, 1972–1973 / Transl. G. Burchell. London: Pallgrave Macmillan UK, 2015. P. 32.
3. См.: Агамбен Дж. Stasis: Гражданская война как политическая парадигма / Пер. с ит. С. Ермакова. М.: Владимир Даль, 2021.

Впрочем, некоторые исследователи полагают, что в современных вооруженных конфликтах исчезает сама возможность отличать войны между государствами от внутренних войн. Новая ситуация возникает и в результате глобализации, уровень взаимосвязанности конфликтов становится иным, что позволяет ряду ученых вновь говорить о *мировой гражданской войне*¹. Термин *мировая гражданская война*, широко использовавшийся радикальными социалистами и коммунистами во время Первой мировой войны и Гражданской войны, получает новую жизнь, приобретая иные смыслы.

Обостренный интерес к гражданским войнам и распространённые страхи перед гражданской войной далеко не всегда свидетельствуют о ее реальной угрозе, но их тиражирование, нередко имеющее своей целью манипуляцию общественным сознанием, часто является симптомом обострения социальных и политических проблем развитых стран, проблем не всегда проговоренных.

Другой, еще более важной причиной пробуждения интереса к феномену гражданской войны являются современные вооруженные конфликты. Если с середины XVII века войны велись по преимуществу между государствами, то после окончания Второй мировой войны количественно преобладали всевозможные внутренние вооруженные конфликты, которые определялись — по крайней мере, частью экспертов и некоторыми их участниками — как гражданские войны. Эта тенденция усилилась после 1989 года: лишь 5% войн последних десятилетий были вооруженными конфликтами между государствами. Гражданские же войны и в начале XXI века с трудом поддаются учету: достаточно упомянуть Афганистан, Ирак, Йемен, Ливию, Сирию, Сомали, Южный Судан... Такой список никак нельзя назвать полным или точным: одни участники и исследователи этих конфликтов считают их гражданскими войнами, а другие отрицают эти характеристики; в настоящее время нет общепризнанного определения *гражданской войны*.

1. Агамбен отталкивается от известных текстов Х. Арендт и К. Шмитта. Там же. С. 6–8.

Это проявлялось и в описаниях вооруженных конфликтов прошлого: одни авторы считали, что династические, религиозные, антиколониальные войны и крупные этнические конфликты можно считать гражданскими войнами, а другие с этим суждением не были согласны, полагая, что чрезмерно расширительное использование термина затрудняет понимание сути самого явления. Дискуссии исследователей по этому поводу продолжают и по сей день, и нет никаких оснований полагать, что они прекратятся. Да и участники конфликтов, как уже отмечалось, в разных ситуациях с разной степенью готовности применяли и применяют этот термин, ибо его использование влечет за собой политические, юридические и экономические последствия, которые могут быть невыгодны какой-либо из противоборствующих сторон¹.

По оценке некоторых исследователей, в 2015 году в мире одновременно шло более сорока гражданских войн². Иные авторы называют другие цифры, однако сами дискуссии об определениях вооруженных конфликтов и принципах их классификации свидетельствуют о востребованности изучения и современных гражданских войн, и истории внутренних вооруженных конфликтов. Актуальные и для первой четверти XXI века задачи прекращения, ограничения, локализации и предотвращения гражданских войн придают особое значение изучению различных аспектов зарождения, ведения и завершения внутренних вооруженных конфликтов.

В этом отношении сложнейший грандиозный комплекс разнообразных и разнородных вооруженных конфликтов на постимперском пространстве, совокупность которых мы вслед за многими современниками не вполне точно называем Гражданской войной в России, представляет особый интерес не только для историков.

1. Так, одни считают войну в Боснии и Герцеговине гражданской войной, а другие — международным конфликтом. См.: *Burg L.S., Shoup P.S. The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention. London; New York: Routledge, 1991. P. 190–191.*
2. *Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New York: Alfred A. Knopf, 2017. P. 9, 11, 12.*

История этой Гражданской войны важна и в другом отношении: нередко межгосударственные масштабные войны порождают войны гражданские, переплетаясь с ними. Например, в годы Второй мировой войны во Франции военные и полицейские формирования режима Виши сражались с силами Сопротивления, этот «франко-французский» вооруженный конфликт описывается частью исследователей как гражданская война, и именно такой характер этого противостояния делал память о Виши в послевоенной Франции особенно конфликтогенной¹. Вооруженная борьба фашистов и антифашистов в Италии в 1943–1945 годах также приобретала характер гражданской войны, переплетающейся с войной мировой². Современные историки часто описывают и Гражданскую войну в России как продолжение — с иными средствами, в иной форме и с иными силами — Первой мировой войны. Подписание Брестского мира, например, не привело к тому, что постимперское пространство было исключено из глобального противоборства³.

Важен также вопрос о связи революций и гражданских войн. Известно, что В.И. Ленин, опираясь на некоторые тексты Маркса, описывал порой революцию как уже идущую гражданскую войну (этот сюжет рассматривается в нескольких главах этой книги). На этом основании историк И. Гетцлер характеризовал взгляды лидера большевиков на революцию как «упрощенные, ограниченные и жестокие», считая их специфической особенностью политического

1. *Rousso H. The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944.* Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1991. О «франко-французской» гражданской войне см.: Р. 5, 7–9.
2. Итальянское издание книги появилось в 1991 году. До выхода данной книги термин *гражданская война* использовали по преимуществу авторы правой ориентации, которые не желали описывать фашистские силы исключительно как инструмент германского влияния.
3. *Ланник Л.В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020; *Он же.* Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе в 1918 г.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021; *Он же.* Непосильная гегемония: Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб.: Евразия, 2023.

мышления Ленина¹. Между тем о тесной связи революций и гражданских войн писали и представители иных политических лагерей. Н.А. Бердяев, имевший свой опыт проживания в условиях революции и гражданской войны, заявлял: «Гражданские войны во время революции являются роковой неизбежностью...»² Автор «Вех» вряд ли сам мог иначе относиться к феномену революции, но о связи масштабных революций и гражданских войн пишут и современные авторитетные ученые: «Любая великая революция — гражданская война»³. Фактически тем самым повторяется и тезис В.И. Ленина, который, как мы увидим в этой книге, неоднократно писал об этом в 1917 году, хотя и совершенно иначе, чем Бердяев, относился и к революциям, и к гражданским войнам⁴. Но не являются ли такие утверждения телеологичными? Не знаем ли мы отдельных случаев сравнительно мирных революций? Не способствует ли подобное понимание революций тому, что страх перед гражданской войной использовался и используется для блокирования революционных преобразований, а порой и всяких глубоких общественно-политических изменений, становясь препятствием для реформ? Это само по себе делает актуальным изучение политического использования страха перед гражданскими войнами, которое, как мы видим, наблюдается и по сей день.

Гражданские войны становятся глобальной проблемой, они представляют собой особый вызов для нынешнего поколения политиков и дипломатов, для спецслужб и военных, для международных гуманитарных организаций

1. *Getzler I. Lenin's Conception of Revolution As Civil War // The Slavonic and East European Review. 1996. Vol. 74. № 3. P. 464–472.*
2. *Бердяев Н.А. Размышления о русской революции // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье. М.: Канон, 2002. С. 260.*
3. *Armitage D. Every great revolution is a civil war // Scripting revolution: a historical approach to the comparative study of revolutions / Ed. by K.M. Baker, D. Edelstein. Redwood City: Stanford University Press, 2015. P. 57–68.*
4. *Ленин В.И. За деревьями не видят леса // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 34. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 80; Он же. Удержат ли большевики государственную власть? // Там же. С. 321.*

и врачей, противостоящих эпидемиям и голоду, для связанных со всеми этими группами экспертных сообществ: политологов, социологов, экономистов, юристов и — не в последнюю очередь — для историков. В настоящее время многие исследователи, представляющие разные дисциплины, обратились к изучению гражданских войн; следствием чего стало появление специальных выпусков академических периодических изданий¹, даже создание междисциплинарных научных журналов, посвященных изучению гражданских войн². Возникают и соответствующие книжные серии³. В настоящее время под руководством профессора Роберта Герварта (Университетский колледж в Дублине) реализуется большой исследовательский проект, в центре внимания которого находятся внутренние вооруженные конфликты в Европе в период, именуемый «веком европейских гражданских войн» (1914–1949)⁴. Еще более симптоматично создание новых научных центров, посвященных исследованиям гражданских войн⁵.

Вряд ли изучение такого сложного явления, как гражданские войны, будет плодотворным, если использовать какой-то один исследовательский подход. Мы же хотим посмотреть на Гражданскую войну преимущественно через

1. *Dædalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. 2017 (Fall). Vol. 146. № 4: Civil Wars & Global Disorders: Threats & Opportunities; Critical analysis of law. 2017. Vol. 4. № 2. Book Forum: David Armitage. *Civil Wars: A History in Ideas* (2017); *Global Intellectual History*. 2019. Vol. 4. № 3. Special Issue: David Armitage's Civil Wars.
2. *Small Wars & Insurgencies* (1990–...): <https://www.tandfonline.com/journals/fswi20>; *Civil Wars* (1998–...): <https://www.tandfonline.com/journals/fciv20> (дата обращения: 26.08.2024).
3. Серия «*Studies in Ancient Civil War*»: <https://www.degruyter.com/serial/stacw-b/html#overview>; серия «*Routledge Studies in Civil Wars and Intra-State Conflict*»: <https://www.routledge.com/Routledge-Studies-in-Civil-Wars-and-Intra-State-Conflict/book-series/CIVILWARS> (дата обращения: 26.08.2024).
4. <https://civil-wars.eu/> (дата обращения: 26.08.2024); *Payne S.G.* Introduction: revolution and civil war as forms of conflict // *Civil War in Europe, 1905–1949*. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 1–14.
5. Например, Центр по сравнительному изучению гражданских войн Йоркского университета: <https://www.civilwarpaths.org/the-centre/> (дата обращения: 26.08.2024).

призму культурной истории, учитывая результаты изучения социальной, интеллектуальной и прежде всего политической истории. Авторы настоящего исследования исходят из представления о том, что гражданским войнам предшествует упреждающая культурная легитимация насилия по отношению к противнику, к потенциальному «внутреннему врагу», что проявляется в предварительном проговаривании подобного насилия, в воображении, визуализации и риторическом оформлении грядущего насилия. Изучение культурных аспектов политических мобилизаций и иных форм подготовки гражданских войн представляет, по нашему мнению, немалый интерес. В этом отношении важны известные работы, посвященные различным аспектам политической культуры Французской революции XVIII века, которые повлияли на изучение истории революций и гражданских войн в других странах и в иные эпохи¹.

Такой подход вызывает, впрочем, возражения со стороны части «стасиологов» — социологов и политологов, сопоставляющих различные гражданские войны и революции. С. Каливас, автор одной из последних обобщающих работ, посвященных логике насилия в гражданских войнах, пишет, что теории, объясняющие насилие с помощью изучения эмоций, культуры и идеологии, неубедительны², он предлагает социологические объяснения процессов эскалации гражданских войн. При всей важности этого подхода представляется все же, что изучение языка политической мобилизации в качестве одного из факторов скатывания страны к гражданской войне имеет немалое

1. *Baker K.M.* *Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteen Century.* Cambridge [etc.]: University Press, 1990; *Hunt L.* *Politics, Culture and Class in the French Revolution.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984; *Озуф М.* Революционный праздник, 1789–1799 / Пер. с фр. Е.Э. Ляминой. М.: Языки славянской культуры, 2003.
2. *Каливас С.* Логика насилия в гражданской войне. М.: Пятый Рим, 2019. С. 658. Критическая интерпретация классических «стасиологических» работ дается в книге: *Малия М.* Локомотивы истории: революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. С. 352–368.

значение. Показательно, что и сам Каливас, отрицая значение культурных аспектов гражданских войн, постоянно возвращается к тому, как гражданские войны проговаривались и во время конфликтов, и в воспоминаниях их участников¹.

Если же согласиться с тем, что язык и культура важны для понимания гражданских войн, то первоочередной задачей является изучение тех слов, с помощью которых современники описывали масштабные вооруженные конфликты на разных этапах их подготовки и протекания. В центре нашего исследования — политическое использование понятия *гражданская война* в 1917–1918 годах.

Не существует, как уже было сказано, единого определения этого термина, и мы не планируем его давать. Мы пытаемся изучить особое самосознание людей эпохи революции и гражданской войны, реконструируя те смыслы, которые они вкладывали в понятие *гражданская война*, и те цели, которые преследовали политические акторы, его использовавшие. Через описание различных случаев применения понятия *гражданская война* (а также его отрицания, табуирования) мы хотим посмотреть на процессы политической борьбы на разных уровнях; это позволит лучше понять, как, с помощью каких культурных механизмов отдельные очаги насилия превращались в большие пожары гражданской войны. Как проговаривание гражданской войны — в том числе и с помощью этого понятия — связано с эскалацией разных конфликтов и с попытками предотвращения, а затем и прекращения гражданской войны? Это самый важный вопрос, который мы задаем в этой книге.

Такая постановка вопроса имеет и некоторое отношение к дискуссии о хронологических рамках Гражданской войны на территории бывшей Российской империи: известно, что разные авторы относят ее начало к совершенно

1. Так, например, он отмечает, что серьезные и многообразные «повседневные» разногласия на местном уровне оформляются дискурсивной терминологией, используемой для формулировки основной причины раскола на национальном уровне: *Каливас С.* Логика насилия... С. 618.

разным событиям. Одни авторы традиционно считают, что Гражданская война начинается с событий мая–июня 1918 года, другие признают главным рубежом захват власти большевиками в октябре 1917 года, а третьи полагают, что уже и период с февраля по октябрь был временем специфичной гражданской войны¹. Так, например, с событиями Февраля 1917 года связывал начало Гражданской войны Ю.А. Поляков². Дж. Смил, автор важной обобщающей работы о *гражданских войнах* в России, отметил, что весь период с февраля по октябрь 1917 года, в течение которого все значительные политические, военные и социальные силы все дальше отходили от компромисса, но еще не переходили к открытой вооруженной борьбе, лучше всего можно охарактеризовать как период необъявленной и «странной» гражданской войны³. Хотя нас интересует прежде всего вопрос о том, *как* начинались и *как* проговаривались гражданские войны, а не то, *когда* именно они начинаются, но мы надеемся внести некоторый вклад в эту дискуссию о хронологических рамках гражданской войны, изучая то, как современники в разное время ставили вопрос о подготовке, начале, предотвращении и прекращении гражданской войны.

Если относительно начала Гражданской войны продолжают дискуссии, то никто, однако, не спорит с тем, что в конце 1918 года она уже шла, поэтому для понимания культурной подготовки комплекса крупных вооруженных конфликтов важен прежде всего изучаемый нами период (февраль 1917 — ноябрь 1918 года). Мы изучаем те слова, те риторические приемы, с помощью которых описывалось все более сильное «предчувствие гражданской войны» — здесь

1. О различных современных интерпретациях Гражданской войны, ее периодизации и хронологических рамках см.: История России: В 20 т. Т. 12. Кн. 1: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Военно-политическое и политико-дипломатическое противоборство / Ред. В.И. Голдин, В.В. Кондрашин и др. М.: Наука, 2024.
2. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 37–41.
3. Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London; New York: Oxford University Press, 2016. P. 10.

мы не можем не вспомнить знаменитую картину Сальвадора Дали, созданную в год начала Испанской гражданской войны (1936–1939).

Наше исследование находится на пересечении нескольких исследовательских традиций, но мы, признавая их бесспорное влияние, не отождествляем себя полностью с этими авторитетными и весьма востребованными ныне научными направлениями.

Нам представляется важным подход, предлагаемый К. Скиннером и некоторыми другими представителями Кембриджской школы истории идей, которые подчеркивают важность реконструкции контекста политического высказывания, особое внимание уделяя намерениям и целям его автора. Мы также считаем необходимым анализировать тексты, созданные «второстепенными» участниками политического процесса. Только так можно изучать политический дискурс эпохи, без понимания которого исследование борьбы за власть невозможно¹.

Вместе с тем наш подход весьма отличается от трудов Кембриджской школы, что обусловлено предметом настоящего исследования: нас интересует интерпретация текстов через контекст, но в большей степени для нас важно понимание контекста, прежде всего контекста политического, через историю употребления словосочетания *гражданская война*.

Наш подход отличается и от немецкой истории понятий (Begriffsgeschichte), изучающей важнейшие для немецкой культуры термины на основе текстов авторитетных авторов эпохи и подробных академических словарей². Все же

1. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Дело, 2018; *Покок Дж. Г. А.* Момент Макиавелли: политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
2. Отличия и пересечения между двумя подходами описаны в статьях: *Richter M.* Reconstructing the History of Political Languages: Pocock, Skinner, and the Geschichtliche Grundbegriffe // *History and Theory*. 1990. Vol. 29. № 1. P. 38–70; *Концов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России: XVI–XX вв.: Сб. науч. работ. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019.

для нашего проекта представляет значительный интерес изучение понятий *революция, бунт, смута, гражданская война* и их истории, предпринятое Р. Козеллеком и его коллегами в рамках этого знаменитого научного проекта¹.

Особенно же важно для нас исследование развития в истории идеи *гражданской войны*, выполненное Д. Армитажем, которого считают представителем второго поколения Кембриджской школы². Эта работа привлекла большое внимание специалистов, представляющих различные научные дисциплины³. В книге исследуется история развития основных концепций гражданской войны в европейской интеллектуальной традиции: от их зарождения в Древнем Риме и до наших дней. Для этого Армитадж привлекает многочисленные и разнообразные источники на нескольких языках: труды философов, историков, юристов, сочинения политиков и государственных деятелей, произведения писателей и поэтов. Этот автор, однако, не уделил должного внимания влиянию марксизма на описания гражданских войн их современниками; между тем его воздействие на многие внутренние конфликты XX века было чрезвычайно большим. Язык российской Гражданской войны, испытывавший воздействие европейской интеллектуальной традиции и в то же время на нее влиявший, также не рассматривался Армитажем.

Мы же, в отличие от всех перечисленных авторов, уделяем внимание не только «второстепенным», но и «третье-

в Санкт-Петербурге, 2006. С. 9–32; *Дубина В.* Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 298–319.

1. *Булст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й.* Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. Т. 1 / Пер. К. Левинсона; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. Ю. Арнаутова. М.: Deutsche Historisches Institut; Новое литературное обозрение, 2014. С. 520–728.
2. *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 14.
3. *Armitage D.* Civil Wars.

степенным» участникам политического процесса; некоторых из них никак нельзя отнести к числу важных политических акторов, а иногда для нас важны свидетельства и аполитичных современников. Прежде всего нас интересуют политические акторы разного уровня, соответственно, в центре нашего внимания — заявления органов государственной власти и общественно-политических организаций, высказывания и публикации их лидеров. Для исследователей политического языка важны резолюции митингов и собраний, агитационные и пропагандистские материалы, публицистика и аналитика разного рода. Многие подобные тексты публиковались в газетах и журналах, поэтому пресса является незаменимым источником, и в своей работе мы старались привлечь разные периодические издания, имеющие различную политическую направленность и ориентированные на разные группы читателей. Весьма важны для нас политические словари, рассчитанные на массового читателя и фиксирующие нормативные для разных политических сил расшифровки, интерпретации понятия *гражданская война*¹. Наконец, интерес для нас представляют синхронные источники личного происхождения — дневники и письма, которые позволяют судить о восприятии и понимании, усвоении и отторжении политических посланий на индивидуальном уровне.

Наличие схожих мотивов и интерпретаций на разных «этажах» политических сообществ и в разных сегментах политического спектра позволяет делать некоторые выводы относительно общих тенденций. Асимметричность же описания и восприятия ситуации заставляет высказать предположения относительно политических условий бытования термина *гражданская война*. Мы полагаем, что изучение различных случаев использования этого понятия на разных уровнях позволит по-новому посмотреть на историю его употребления. Мы пытаемся реконструировать

1. О роли этих словарей в политической жизни см.: *Архипов И.Л.* Словари «нового политического мышления» как источник по изучению политической психологии в 1917 г. // Петербургская историческая школа: Альманах: Памяти В.И. Старцева. СПб.: Нестор, 2002. С. 302–316.

всевозможные описания и интерпретации этого важного политического конфликта, сопоставляя различные источники и помещая их в контекст события. Особое внимание мы уделяем использованию понятия *гражданская война*, его синонимам и иным словам, описывавшим этот конфликт, а также тем образам врага, которые возникли и активно использовались во время острого политического противостояния и после его завершения. Мы ставим перед собой и более сложные задачи, пытаемся рассмотреть и интерпретировать случаи неиспользования, табуирования понятия *гражданская война*, замены его иными словами.

Мы полагаем также, что для понимания языка революции и гражданской войны большое значение имеют подходы, разработанные историками эмоций, прежде всего теми учеными, кто изучал эпохи радикальных социально-политических переворотов. Термины, использовавшиеся участниками событий, не были бесстрастными абстрактными понятиями; они не только отражали эмоциональное состояние авторов, но и нередко употреблялись для того, чтобы управлять эмоциями адресатов политических посланий, намеренно пробуждая чувства энтузиазма, страха или ненависти. Особенно полезны для нас те работы, в которых изучаются эмоции, сопровождавшие ход революций, прежде всего труды по истории Французской революции XVIII века¹. Авторы новейших работ о Российской революции также уделяют немалое внимание анализу эмоций: без этого трудно адекватно понять политические, социальные, экономические и культурные конфликты эпохи².

1. *Lefebvre G.* La grande peur de 1789. Paris: A. Colin, 1932; *Reddy W.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001; *Tackett T.* The Coming of the Terror in the French Revolution. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015.
2. *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции: 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020; *Булдаков В.П.* Революция, эмоции, политики: к переосмыслению событий 1914–1917 гг. // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований. 2017. № 2. С. 147–180; *Он же.* Страсти революции: эмоциональная стихия 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Изучение эмоционального фона подготовки Гражданской войны и эмоционального фона использования этого понятия — одна из задач книги.

Через историю использования понятия мы стараемся лучше понять борьбу за власть в эпоху революции, поэтому для нас важны, разумеется, труды историков, в особенности тех из них, кто изучал политический язык и политическое сознание. Уже довольно давно В.И. Миллер, например, отмечал, что исследование многозначности понятия *гражданская война* весьма важно для понимания массовой психологии революционной эпохи¹. В нашем исследовании мы опирались в том числе и на отечественную традицию изучения политического сознания эпохи революции, прежде всего на работы представителей «Ленинградской школы». Для нас особенно важны тексты Ю.С. Токарева, исследовавшего «народное правотворчество», Г.Л. Соболева, изучавшего революционное сознание рабочих и солдат Петрограда, О.Н. Знаменского, анализировавшего общественную психологию (в том числе изменение эмоционального настроения) различных групп интеллигенции в 1917 году². Эти работы продемонстрировали, что исследование политического языка и массовой культуры может существенно расширить наши представления о политической истории.

Пока существует сравнительно мало исследований, специально посвященных изучению понятия *гражданская война* в России начала XX века, но важное исключение представляют собой интересные статьи М.Е. Разинькова³. Этот

1. Миллер В.И. Осторожно, история! М.: ЭТЦ, 1997. С. 136–142.
2. Токарев Ю.С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март–октябрь 1917 г.). М.; Л.: Наука [Ленинградское отделение], 1965; Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: период двоевластия. Л.: Наука [Ленинградское отделение], 1973; Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Изучению политического сознания революционной эпохи способствовал и В.И. Старцев, создавший Ассоциацию исторической психологии.
3. Разиньков М.Е. Развитие представлений В.И. Ленина о феномене и периодизации гражданской войны // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия: Материалы 8 региональной научной конференции, Воронеж, 3 февраля 2014 г. Воронеж,

историк рассматривает различные слова и словосочетания, которые использовались для описания вооруженного противостояния в 1917–1922 годах. В некотором отношении мы продолжаем исследования этого автора, но в чем-то корректируем его выводы, опираясь на гораздо более широкую источниковую базу. М.Е. Разиньков пытается дать чрезмерно обобщенную характеристику партийным интерпретациям явления гражданской войны (предлагаемых большевиками, меньшевиками, эсерами, конституционными демократами, лидерами Белого движения и др.), не уделяя должного внимания разногласиям внутри политических организаций, изменениям политических оценок, а главное — особенностям контекста политического высказывания и адресатам этого высказывания. О позициях партий и даже о взглядах какого-то партийного деятеля нельзя судить только на основании их текстов. Например, М.Е. Разиньков рассматривает концепцию гражданской войны, предлагаемую Лениным, как поступательно развивающуюся, совершенствующуюся теорию. Между тем взгляды лидера большевиков порой кардинально менялись под воздействием меняющейся политической обстановки, в зависимости от первоочередных политических задач, а неактуальные интерпретации термина отбрасывались, хотя еще совсем недавно они объявлялись им научно обоснованными и единственно верными. М.Е. Разиньков не отрицает того обстоятельства, что взгляды Ленина существенно менялись, но он видит это как смену одной концепции другой, в которой он корректировал свои ранние ошибки:

Ленин не только пересмотрел отдельные положения своей концепции, но и пытался отказаться от старой концепции в пользу новой. Советская историография игнорировала этот важный факт, предпочитая доказывать цельность и непротиворечивость ленинских взглядов на феномен и этапы

2014; *Он же*. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3–5; *Он же*. Дефиниции гражданской войны в России // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 366–374.

Гражданской войны, нежели признать за Лениным некую ошибку, которую он сам же попытался исправить¹.

Такой «линейно-эволюционный» взгляд на работы Ленина вряд ли точно описывает взгляды лидера большевиков на гражданскую войну: он нередко возвращался к тем своим оценкам, которые сам ранее отбрасывал².

Авторы этой книги опираются и на собственный опыт изучения политической культуры, политического языка и политической коммуникации Российской революции и первых лет советской власти³. Некоторые авторы настоящей монографии также приступили к изучению языка гражданской войны и, в частности, истории понятия *гражданская война*; опубликованные ими статьи стали после переработки основой ряда параграфов этой книги⁴.

1. *Разиньков М.Е.* Развитие представлений В.И. Ленина... С. 181.
2. Критику отдельных аспектов концепции М.Е. Разинькова дал Д.А. Коцюбинский: *Коцюбинский Д.А.* Эволюция подходов отечественной историографии к проблеме использования В.И. Лениным понятия «гражданская война» в публицистических работах и выступлениях // Клио. 2024. № 8 (212). С. 21–39.
3. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года: 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Лики России, 2012; *Он же.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа», март–июнь 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2023; *Тарасов К.А.* Солдатский большевизм: военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 — март 1918 г.). СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017; *Резник А.В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924: 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018; *Годунов К.В.* Красная Пасха: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2023.
4. *Колоницкий Б.И., Годунов К.В., Тарасов К.А.* «Гражданская война»: политическое использование понятия и культурная подготовка гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.М. Рышков, отв. секр. В.В. Журавлев. Новосибирск: Параллель, 2022. С. 344–360; *Годунов К.В.* «Гражданская война»: политическое использование понятия весной 1917 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. С. 37–59; *Колоницкий Б.И., Годунов К.В.* «Корниловщина» как «гражданская

Монография завершает работу над исследовательским проектом, который был поддержан грантом Российского научного фонда № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны». Промежуточные результаты этого проекта нашли отражение в статьях, часть из которых упоминалась выше, и в сборнике статей, который привлек уже некоторое внимание исследователей¹. Идея же этой книги родилась уже в ходе реализации исследовательского проекта, она была также поддержана Российским научным фондом, который продлил финансирование гранта на два года.

Мы далеки от того, чтобы считать эту тему закрытой; дальнейшая работа может потребовать и расширения круга источников, и привлечения специалистов из смежных дисциплин, прежде всего филологов. Особый интерес мог бы представить проект, объединяющий историков, которые работают на территории постсоветского пространства; важно было бы посмотреть, как гражданская война проговаривалась на языках народов, населявших Российскую империю. Было бы также полезно сопоставить употребление понятия *гражданская война* в ходе различных кризисов начала XX века. Мы надеемся, что публикация этой

война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2021. № 3. С. 78–87; *Они же*. Из истории разработки языка гражданской войны: «корниловщина» и легитимация политического насилия // Вестник Волгоградск. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 4. С. 192–202; *Они же*. Тема гражданской войны в текстах «правых» социалистов во время «корниловщины» // Жить историей и думать о будущем: Сб. ст. и материалов к 60-летию доктора исторических наук К.Н. Морозова / Сост. А.Ю. Морозова, А.Ю. Суслов. М.: [Б.и.], 2021. С. 351–364; *Они же*. «Корниловщина» как гражданская война: восприятие политического кризиса и легитимация насилия в свидетельствах современников // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / Под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 170–191; *Резник А.В.* Риторика репрезентации гражданской войны в «Известиях» (октябрь 1917 — январь 1918 г.) // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2021. № 3 (54). С. 88–100.

1. Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: Сб. статей / Под ред. Б.И. Колоницкого и др. СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022.

монографии будет способствовать появлению подобных международных и междисциплинарных проектов.

Книга состоит из восьми глав.

Первая глава имеет вводный характер. Ее первый параграф кратко представляет историю понятия *гражданская война* в европейской и российской традициях, а два других описывают использование понятия во время Первой российской революции и в ходе Первой мировой войны. Каждый из затронутых в этой главе сюжетов заслуживает дальнейшего специального исследования, хотя некоторые из них уже частично рассматривались нашими предшественниками. В этой книге, однако, нельзя было обойтись без такой главы, ибо без знания предыстории использования понятия нельзя понять ситуацию его употребления в 1917 году.

Остальные главы соответствуют этапам развития революции 1917 года.

Несколько особняком стоит последняя, восьмая глава монографии, по сравнению с предшествующими главами она охватывает гораздо более широкий период. К тому же и ситуация в это время складывается иная: хотя историки и ведут споры относительно начала Гражданской войны, никто, похоже, не спорит с тем, что в июне 1918 года эта война уже шла, исследователи пишут о полномасштабной войне, начавшейся в это время; порой они делают вывод о начале в это время так называемой «фронтной» войны. Применительно к этому времени нельзя уже никак говорить о «предчувствии гражданской войны». Вместе с тем, однако, мы решили пересечь данный хронологический рубеж, ибо без этого будут непонятны и некоторые тенденции использования понятия *гражданская война*.